

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.9>

Байков Александр Алексеевич

Мифемы как трансцендентальные законы реальностей

Цель исследования - доказательство функционирования мифем как трансцендентальных законов в социальной и природной действительности. Автор акцентирует внимание на обосновании приложения мифем к социальной и природной реальностям и выявлении возможных причин неравномерной проявленности мифологических закономерностей в реальностях разного порядка. Научная новизна заключается в переносе свойств научных законов на мифемы при признании равного онтологического статуса мифем в отношении любых возможных и актуальных реальностей. В результате доказано, что мифемы могут выступать в качестве всеобщих законов, функционирующих вне зависимости от отношения реальности к материальной или идеальной субстанции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/9.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 51-55. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Онтология и теория познания

Ontology and Epistemology

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.9>

Дата поступления рукописи: 16.08.2020

Цель исследования – доказательство функционирования мифем как трансцендентальных законов в социальной и природной действительности. Автор акцентирует внимание на обосновании приложения мифем к социальной и природной реальностям и выявлении возможных причин неравномерной проявленности мифологических закономерностей в реальностях разного порядка. **Научная новизна** заключается в переносе свойств научных законов на мифемы при признании равного онтологического статуса мифем в отношении любых возможных и актуальных реальностей. **В результате** доказано, что мифемы могут выступать в качестве всеобщих законов, функционирующих вне зависимости от отношения реальности к материальной или идеальной субстанции.

Ключевые слова и фразы: миф; мифема; законы реальности; трансцендентальные законы.

Байков Александр Алексеевич, к. филос. н.

Истринский профессиональный колледж –

филиал Государственного гуманитарно-технологического университета

gajasura@yandex.ru

Мифемы как трансцендентальные законы реальностей

Актуальность. В современной западной культуре миф занимает неоднозначное положение. В бытовом сознании миф выступает как явление, не относящееся к реальной жизни человека, потерявшее свою значимость в ходе научного прогресса. Вместе с тем в культуре наблюдается активное возрождение традиционных мифов, рождение новых мифов, обнаруживающих наиболее благоприятные условия развития в массовой культуре, но проникающих и в другие информационные пласты. Причина неоднозначности кроется в нерешенности вопроса об отношении мифа к объективной реальности, к реальности культуры. Так, расхожее признание иллюзорности мифа вступает в противоречие с фактом, что многие межкультурные мифемы невозможно отделить от сложившихся общественных практик: социально-политические события мы невольно интерпретируем через миф о битве Добра и Зла, наша правовая система вдохновляется мифемой неотвратимости божественной кары, а наука потеряла бы смысл, лишившись мифа о шифре вселенной. Пытаясь отказаться от подобных «заблуждений», человек не находит истин, которые можно было бы им противопоставить. Причиной этого может оказаться как принадлежность мифем априорным структурам сознания и предпосылкам любой возможной культуры, так и присущность их структуре самого бытия. Прояснение вопроса об отношении мифологического к реальному необходимо для понимания границ реальностей, сущности культуры, обеспечения связи между ее прошлым и настоящим и способно побудить к пересмотру привычной картины мира.

Для исследования онтологического положения мифем и обоснования их положения в качестве законов реальностей необходимо решить следующие **задачи**: обосновать гносеологическую и онтологическую роль мифа; исследовать функционирование мифем в качестве законов духовных реальностей; определить возможности объективной проявленности мифем; выявить проблемы и противоречия в трактовке мифем как всеобщих законов и возможные пути их преодоления.

Основными **методами**, применяемыми для решения поставленных задач, являются: метод экстраполяции гносеологического и онтологического смысла и свойств научных законов на структурные элементы мифа; структуралистский подход к анализу устройства реальности и мифа, поиску их универсальных элементов.

Теоретическую базу исследования составляют работы К. Леви-Стросса и Р. Барта по структурному анализу мифа [2; 4; 5]; труды по философии мифологии К. Хьюбнера, А. Ф. Лосева, К. Г. Юнга, Я. Голосовкера, раскрывающие проблемы истинности мифа, его гносеологической и онтологической значимости [3; 6; 8-10].

Практическая значимость исследования заключается в том, что рассмотрение мифем в качестве трансцендентальных законов реальностей намечает пути сближения мифологического и научного сознания, внесения традиционных элементов в современную картину мира, раскрытия в мифе прогностической и производственной функций.

В представлениях современной культуры о мифе господствуют два подхода. Подход, представленный как бытовым, так и радикально-сциентистским сознанием, говорит о мифе как о заблуждении («болезни языка», способе ухода от реальности, ложном мировоззрении), которое хотя и играло важную роль до возникновения религии, философии и науки, но в современном мире утратило влияние. Противоположный ему подход, распространенный в культурологии и философии культуры, демонстрирует всепроникающую роль мифа в культуре, но так же, как и обыденное сознание, проводит четкие границы между истинным знанием и мифологическими представлениями, считая эти границы видимыми и проницаемыми для человека с развитым критическим мышлением.

Однако неоднократно предпринимались попытки реабилитации мифа. К. Хьюбнер трактует миф как самостоятельную систему опыта и мышления, представлений о человеке и природе [7, с. 84], существующую наряду с системой рациональной и имеющей свою собственную разумность [Там же, с. 268]. К. Юнг видит в мифах выражение архетипов, универсальных структур человеческой психики [10, с. 88], что также придает им необходимый характер. Я. Голосовкер объявляет миф альтернативной гносеологией со своими специфическими законами [3, с. 71]. Эти подходы связывают миф с субъектом, представляют его неотъемлемым элементом духовной жизни человека, не только ее продуктом, но в значительной мере и предпосылкой.

Наряду с этим подходом можно обнаружить и попытки онтологической трактовки мифа. Таково традиционное представление, сохраняющееся в идеях религиозных мыслителей и мистиков, согласно которому миф описывает реальные явления и события. Миф – свидетельство особой божественной реальности и существует потому, что его содержание реально. Подобные взгляды в современном мире воспринимаются как антинаучные.

Хотя трактовка мифа как описания реальных явлений несколько наивна, миф не может быть только лишь предметом психических процессов, не воплощающимся в бытии (если, конечно, не говорить о глобальных процессах всеобъемлющего абсолютного духа).

Во-первых, миф по своей природе связан с реальностью: он не только объясняет ее происхождение и сущность, но и структурно подражает ей, претендует на описание конкретных объективных событий, хотя и носящих всеобщий смысл. Миф для его носителей составляет истину, определяющую либо характеристики и процессы нашего мира, либо свидетельствующую о мире другом, от которого наш мир находится в зависимости. В этом смысле миф и сам становится реальностью – по крайней мере виртуальной.

Во-вторых, хотя миф как система знаний не всегда согласуется с действительным и возможным, он должен отвечать, по крайней мере, прагматическому критерию истинности. К. Армстронг [1, с. 18] пишет, что правдивость мифа заключается в его эффективности, а не информативности. Однако дело не только в терапевтической и игровой функциях мифа: руководствуясь мифологическими знаниями, выполняя требования мифов, человечество выживало и развивалось. Для этого необходимо частичное совпадение мифологических представлений и объективной реальности или даже подчиненность этой реальности мифу. Данный эволюционный аргумент мог бы быть опровергнут предположением о том, что миф конструируется уже с учетом опыта взаимодействия с реальностью, однако, во-первых, миф базируется скорее на априорных посылах (о чем свидетельствуют совпадающие мифемы несвязанных мифологических традиций), во-вторых, миф часто говорит о радикально невоспринимаемом – невидимом, далеком, древнем.

В-третьих, некоторые объективные явления воплощают закономерности мифа, не являющиеся предметом иных форм знания. Так Р. Барт, хотя и критикует мифологию, описывает ситуации, в которых миф влияет на реальность: принятие спортсменами-велосипедистами архетипических ролей обуславливает их эффективность в гонках [2, с. 184]; физическая дальность головного мозга от земной поверхности, предположительно, оказывает влияние на устремленность интеллектуалов от «корней» к «облакам» [Там же, с. 259]. Из этого следует невозможность сведения истинности мифа к истинности предфилософии и преднауки.

Итак, миф имеет связи с бытием и, наряду с очевидной гносеологической ролью, играет и роль онтологическую, оказываясь системой знания либо раскрывающей, отражающей объективную реальность, либо конструирующей ее. Подобными же функциями обладает и наука. Проведение параллели между мифом и наукой можно найти у К. Хьюбнера: тот отмечает структурное сходство научного и мифического опыта, видя существенные различия в эмпирическом опыте, типе рациональности и ценностно-нормативном аспекте [7] (но не в факте наличия опыта, рациональности, ценностей – они свойственны как науке, так и мифу). Можно предположить, что гносеологический и онтологический аспекты мифа должны быть связаны так же, как и гносеологический и онтологический аспекты науки. В науке же точкой пересечения познания и бытия является научный закон, выводимый субъективно, но постулируемый как свойство объективной реальности.

Роль таких законов в мифе играют мифемы. К. Леви-Стросс говорит о мифемах как больших структурных единицах мифа [5, с. 219]. Эти структурные единицы, в языке соответствующие фразам, указывают на связь между предметами, явлениями, событиями – причем эта связь претендует на всеобщий характер (творению всегда предшествует разрушение, исчислить бытие – значит контролировать его, знание несет зло, всякая власть имеет божественную природу). Это соответствует пониманию научного закона как универсального необходимого утверждения о связи между явлениями. Утверждения «параллельные прямые не пересекаются» и «смерть героя не бывает случайной» одинаковы по своей форме. Вопрос в том, где и при каких условиях эти утверждения оказываются верными.

Рассмотрим, в каких областях мифемы могут функционировать как законы. Предварительно воздержимся от решения наиболее сложного вопроса: можно ли в той или иной степени считать их законами физической реальности и реальности объективированной культуры. Во-первых, мифемы действуют в описаниях самих

мифологических событий. Во-вторых, они работают в реальностях, сознательно создаваемых человеком и отделяемых от внешнего мира – произведениях художественной культуры. В-третьих, в интерпретациях внешнего мира: в любых мировоззренческих парадигмах. В-четвертых, в реальности сна и виртуальных реальностях, формируемых измененными состояниями сознания. В-пятых, эти закономерности приписываются высшей реальности, в случае если мы признаем ее существование. То же касается и веры в параллельные «тонкие реальности», которые также представляются существующими по законам мифа. Независимо от того, говорим ли мы о реальностях, подчиненных человеку, или гипотетически существующей сверхфизической реальности, – их объединяет идеальная природа.

Таким образом, мифемы выступают, по крайней мере, как законы духовных реальностей. При этом речь не идет об их субъективности – но только о субъектности (которая тоже может быть поставлена под сомнение). Мифемы – если они правильно выделены и избавлены от ситуативных наслоений – универсальны, трансцендентальны. Если мы попытаемся придумать реальность (например, для художественного произведения), в которой, например, обновление мира возможно без его разрушения, а исчисление бытия не приводит к возможности им управлять, – такая «свободная от мифов» реальность будет казаться неправдоподобной. Мифемы действуют во всех виртуальных реальностях и приписываются высшей и параллельным реальностям, в случае их существования.

Возражением против восприятия мифем как законов может выступать идея Голосовкера [3, с. 22] о желании как единственном законе мифа и возможности ситуативного изменения любого правила под нужды мифа. Однако большинство примеров, приводимых Голосовкером, рассматривается не как отмена того или иного закона мифа, а как уточнение и дополнение его другими законами. Так, приводится пример мифемы бессмертия богов и ее отвержение в мифах, где боги умирают. Однако отмена божественного бессмертия, как правило, имеет свою причину: бог не выполняет свою функцию, нарушает определенные правила, у него есть особое уязвимое место или он принял плотское обличие. Таким образом, мифема «боги бессмертны» не перестает работать, но должна была изначально формулироваться с условиями: «боги бессмертны, если...». Да и сам закон желания, закон беззакония может существовать как более сильный закон, способный блокировать действие других.

Однако не был рассмотрен вопрос о действии мифем как законов в объективной реальности – объективированной реальности культуры и, главное, в физическом мире. Вышеуказанные примеры Р. Барта могут оказаться совпадением, поэтому их доказательная сила недостаточна. Однако рассмотрение наиболее распространенных мифем показывает, что они имеют объективный характер. Мифема «разрушение должно предшествовать созданию нового» является законом реальности: создавая некоторый предмет, мы уничтожаем формы предметов, легших в его основу, реформируя общественную жизнь, отвергаем предыдущий порядок, прививая самим себе какие-то качества, отказываемся от себя прежних. В другом смысле – для создания нового нужно освободить, расчистить место, уничтожив или хотя бы ослабив то, что его занимало, будь то старое строение или старая идея. Мифема «живая плоть связана с гибелью» показывает не только символическую часть, но и фактическую: все живое умирает и не подлежит восстановлению, так как смертность является свойством жизни. Против действительности мифемы «внешний вид указывает на внутренние свойства» можно возразить, что внешний вид обманчив. Но такая обманчивость часто связана с умышленной хитростью, маскировкой; сама же мифема говорит не о безусловной возможности распознать внутренние свойства по внешнему виду, но о наличии внешних признаков, способных выдать содержание, – эти признаки нужно уметь увидеть и считать. Их же отсутствие невозможно в условии причинно-следственных связей явлений. Наука, не признающая мифа о шифре вселенной, лишится смысла и возможности исследования реальности; наказание без мифа о неотвратимости не сможет выполнять превентивную функцию; правителю, чья власть не имеет нуминозных оснований, не станут подчиняться.

Итак, как мы видим, в физической реальности и в реальности культуры, так же как и в реальностях виртуальных, мифемы могут исполнять роль законов. Более того, в этих реальностях – идеальных и материальных – функционируют одни и те же мифемы. Их принадлежность к материи или к идее будет зависеть от ответа на «основной вопрос философии». В мире, в котором бытие определяет сознание, мифемы следует признать такими же законами материи, как закон сохранения энергии или закон о повторении онтогенезом филогенеза, которые лишь отражаются сознанием. В случае первичности идеи мифемы оказываются либо универсальными законами всеобщей логики, законами функционирования абсолютного духа, вечными принципами сознания Бога, либо акцидентальными «правилами игры», сочиненными совпадающим с субъектами Брахманом или трансцендентным Творцом прежде создания всех отличных от себя реальностей.

Но если миф дает нам объективные знания столь общего порядка, что действует во всех возможных мирах, ответ можно искать в нем самом: миф не делает различий между материей и идеей – данные понятия отсутствуют в нем (боги и духи представляются телесными, но в ином смысле, нежели человек; творческие силы сознания меняют физическую реальность; тропы обретают внеязыковую реальность). Различение материи и идеи исторически и логически вторично по отношению к мифу. Мифемы – трансцендентальные законы реальностей, не зависящие от субстанции, которую мы этой реальности приписываем, абсолютно необходимые. В этом они отличны от законов природы и законов духа, не только не пересекающихся в одной реальности, но и различающиеся в реальностях одного порядка: закон художественного творчества «персонажи и события имеют значение для общего повествования» не работает в реальности сна, где отсутствует телеология; аксиома о параллельных прямых не действует в неевклидовом пространстве.

Предположение о мифемах как универсальных законах объясняет и предвосхищение достижений научного познания в преднаучных формах мировоззрения – в самой мифологии, религии и философии, – присущие

любой реальности, мифемы принадлежат также и любой картине мира, а потому могут познаваться самыми разными методами.

Ограниченность возможных событий и связей в физической действительности и некоторых виртуальных реальностей относительно мифологического повествования обусловлена не прекращением действия мифем в этих действительностях, но сочетанием их с дополнительными законами природы и духа. В материальном мире «все боги бессмертны», но, возможно, множество «боги» пусто. Влияние закона «Добро и Зло ведут вечную борьбу» может быть ослаблено законом «Добра и Зла в чистом виде не существует». Подобного рода ограничения в материальном более распространены, чем в идеальном. Можно предположить, что законы духа обладают меньшей императивностью, чем законы материи, или что они лучше согласуются с законами мифа.

Сам миф при такой трактовке выступает в качестве системы мифем, описывающих принципы существования одного или нескольких явлений: «миф о духовном преображении», «миф о состоянии греха», «миф о ключе».

Что касается конкретных мифологических повествований, описывающих действия героев и богов, они могут нести один из двух основных смыслов (или оба одновременно). С одной стороны, они могут служить выражениями законов мифа, их иллюстрациями, выполняющими в области мифологии ту же роль, которая в науке отведена мысленным экспериментам и идеальным объектам: сочинители мифов представляли себе ситуации, герои которых сталкивались с законами мифа в их наиболее чистой, свободной от частных законов реальностей, форме, – и руководствовались ими в своей деятельности. С другой стороны, они могут описывать действительные события (разумеется, не без наслоений и искажений первоначального описания), герои которых на самом деле настолько хорошо понимали мифемы, что могли использовать их знание в практической деятельности так же, как современный человек использует информацию наук для преобразования мира. Обе трактовки родственны пониманию мифа Лосевым как «чудесной личностной истории» [6, с. 212]: но в данном случае «чудо» выражается не столько в предельном развертывании личности, сколько в чистой реализации личностью мифем.

Признанию мифем законами, действующими во всех реальностях, препятствуют две проблемы. Во-первых, существуют мифемы, которые явно вычлняются в мифах, но все же не находят прямого отражения в физической реальности: либо не действуют вовсе, либо их действие невозможно подтвердить («неживое более волшебнее, чем живое», «зло воплощается в прерывистых, угловатых формах», «все события предопределены»). Во-вторых, миф бывает противоречив, и среди мифем существуют свои антиномии, в которых противоположным мифемам приписывается равная истинность: «знание всегда несет добро» – «знание всегда несет зло», «слова всегда меняют реальность» – «реальность меняют только действия», «божества всегда в покое» – «эмоции божеств всегда чрезмерны».

Видятся, по крайней мере, четыре возможные причины противоречивости мифем и их нереализуемости в объективном при обладании ими статуса законов реальностей (не считая вышеупомянутой возможности конфликта между законами мифа, природы и духа).

Во-первых, как в философском и научном знании возможны ситуативные ошибки и заблуждения, так и миф не может быть свободен от них. Более того, века недоверия к мифу не позволяли применять к мифологическому знанию критическое мышление при сохранении веры в него, утрачивалось знание границ между реальными мифемами и заблуждениями. М. Элиаде [9, с. 18] описывает существующее в культурах с все еще сильной мифологической традицией разделение между истинными мифами и сказками, которые недопустимо смешивать; человек современного западного общества не умеет проводить подобных различий.

Во-вторых, разные мифемы, описывающие разные явления, могли слиться из-за ошибок языка или изменившихся представлений о структуре реальности. Возможно, между утверждениями «божества всегда в покое» и «эмоции божеств всегда чрезмерны» нет противоречия, так как они говорят о разных божествах; а противоречие пары «слова всегда меняют реальность» / «реальность меняют только действия» снимается, так как в мифе существенная разница между словом и действием отсутствует (что подтверждается и для социального мира концепциями дискурс-действия Т. А. ван Дейка и языковой игры Л. Витгенштейна).

В-третьих, мифема может оказаться более сложной, чем представляется при вычлнении ее из конкретных мифов. Можно предположить, что мифема не должна сводиться только лишь к элементарным логическим утверждениям «все А суть Б», но содержит в себе более сложную программу (например, «если В, то все А суть Б; если Д, то все А суть Е»). Божества находятся в покое и претерпевают нечеловечески сильные эмоции при разных обстоятельствах; зло стремится воплотиться в прерывистых, угловатых формах всегда, когда не притворяется добром; только определенные слова всегда меняют реальность, другие же неспособны на это.

В-четвертых, требования непротиворечивости, верифицируемости, повторяемости могут оказаться необходимыми только для законов материи, а само предъявление их законам мифа – ошибкой.

Перечисление этих возможных причин не обязывает к выбору одного ответа: возможно, все они сыграли роль в формировании противоречивых мифов, которые мы можем наблюдать.

Выводы. Итак, мифемы могут быть рассмотрены как законы не только мифа, но и любой реальности, как идеальной, так и материальной. Данный вывод является не только предметом абстрактных размышлений и упражнений ума, но и имеет практические следствия. Имея ту же структуру, что и законы природы, законы мифа могут стать опорой в прогностической и творческой деятельности: они дают знание связей между явлениями, а значит, и показывают путь влияния на эти связи. С одной стороны, учет воздействия этих законов может оказаться продуктивным в социальных, гуманитарных и даже естественно-научных исследованиях. С другой – он открывает возможность применения привычных научных методов, согласующихся с мифемами, к иным реальностям и нуминозным явлениям.

Список источников

1. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый мир, 2005. 160 с.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2014. 352 с.
3. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1987. 128 с.
4. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 111-336.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
7. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
8. Хьюбнер К. Критика научного разума. М. – Бонн: ИФРАН; Интер Национес, 1994. 326 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.
10. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

Mythemes as Transcendental Laws of Realities

Baikov Aleksandr Alekseevich, PhD

*Istra Professional College – Branch of the State University of Humanities and Technology
gajasura@yandex.ru*

The paper justifies the thesis that mythemes are transcendental laws of social and natural reality. The author substantiates the provision that mythemes should be looked upon through the prism of social and natural reality and tries to identify possible causes of uneven manifestation of mythological laws in different types of realities. Scientific originality of the study lies in the fact that mythemes are endowed with features of scientific laws and are considered to possess equal ontological status in actual and alleged realities. The research findings are as follows: the author proves that mythemes often come out as universal laws that function regardless of reality attitude to material or ideal substance.

Key words and phrases: myth; mytheme; laws of reality; transcendental laws.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.10>

Дата поступления рукописи: 28.07.2020

Цель исследования – выявить специфику интерпретации категории «истина» в философии. В статье анализируется значение данной категории для понимания специфики как самого процесса познания, так и для самопознания и самоопределения сущности человека. Рассматриваются особенности и недостатки уже известных концепций истины и невозможность ограничения данной категории лишь формально-логическими требованиями. **Научная новизна** заключается в комплексном анализе проблемы истины как отражения специфики отношения человека к действительности и необходимого условия решения проблем современного познавательного процесса. **В результате** обосновано, что без системного понимания истины определение сущности человека, природы разума и интеллекта невозможно.

Ключевые слова и фразы: истина; онтологическая истинность; гносеологическая истинность; аксиологическая истинность.

Нестерова Оксана Юрьевна, к. филос. н., доц.

Сургутский государственный университет

nesterova12@yandex.ru

Философские проблемы интерпретации истины

Актуальность темы, несмотря на то, что она не является новой для философии и входит в круг ее классических проблем, определяется ее значимостью для решения как собственно философских, так и естественно-научных задач. Более того, в условиях тех преобразований, которые сегодня происходят как в отдельных областях социальной жизни, так и в глобальных, затрагивающих все человечество, стремление определить сущность истины, возможность использования этой категории и определение ее критериев стали как никогда востребованными и необходимыми.

Достижения современной науки, переориентация на развитие медико-биологических направлений в познании, мощное внедрение цифровых технологий, разработки в области искусственного интеллекта и на этом фоне процессы, происходящие в мировой политике, явно нарушают и без того нестабильное равновесие предшествующих десятилетий. Все перечисленное требует очередного переосмысления важнейших философских категорий, в том числе и категории истины. Именно данная категория, на наш взгляд, является одним из важнейших средств самоидентификации человека, определяя его статус в окружающей действительности, его возможности по взаимодействию с этой действительностью, а значит, смыслы и цели существования человека в целом.